

Ничего, ребята поправят!
(Военная игра с «Щербаками»)

Надо сказать, что пионерский лагерь наш «Звездочка» на 250-300 пионеров среди расположившихся рядом соседей был самым небольшим. Если с «Дружбой» мы еще как-то могли равняться по количеству пионеров, уступая в один-два отряда, то детский городок шелкового комбината имени Щербакова, со всеми его детскими садами, молодежными трудовыми лагерями для переростков, был для нас просто гигантом. Пионерский лагерь «Дзержинец» тоже был не из маленьких, но располагался дальше всех, и мы с ним нечасто дружили.

В один из оздоровительных сезонов, когда я еще обитал в третьем или втором отрядах, случилось нашим руководителям (я имею ввиду начальников лагерей «Звездочка» и «Щербаковец», конечно же вместе со старшими вожатыми) договориться о проведении военной игры «Зарница». Как говорится, наши против ваших!

Рукопашный бой здесь не предусматривался по понятным причинам, но условия были достаточно жесткие. Требовалось после официального начала игры уничтожить заранее определенные жизненно важные объекты условного противника (столовую, водонапорную башню, пионерскую комнату-штаб и еще некоторые, общим количеством до 10 единиц) динамитными шашками (муляжами) с нанесенными на них отличительными надписями.

Договоренности предусматривали, что время на подготовку устанавливается 10 дней, во время которых будет проведено несколько межлагерных мероприятий, когда можно будет подробно ознакомиться с расположением объектов, подходами к ним короче, провести необходимые разведывательные действия.

Вожатые и прочие взрослые в оперативных действиях участия не принимают, а выступают посредниками, задача которых фиксировать уничтожение объектов, соблюдение правил, и, главное, не допустить открытых столкновений среди юнармейцев разных лагерей.

Уж какие там «открытые столкновения»! Если сравнить «Звездочку» и «Щербаковец» со всеми его составляющими детского городка, то это будет как Монголия и Китай. К тому же, верхний возрастной порог в Щербаках был до 19 лет (с учетом контингента трудового лагеря), да и первый отряд состоял в основном из 16-17 летних. В нашем лагере даже 16 летних было может два-три человека, да и то, девочки.

Я это расписываю так детально не потому, что оправдываюсь, а чтобы читателю было понятно истинное соотношение сил. Конечно, в нашем лагере костяк составляли ребята с улиц, окружающих НИИ ТП, т.е. с севера Москвы, закаленные в спортивных ристалищах на Головинских прудах и парке им. Петра Алексеева, а так же в неспортивных драках на болотах за прудами. Но и ребята из «Щербаков» были из такого же рабочего района, и вряд ли они собирались вот так просто отдавать нам победу! Точнее, они не только не собирались ее отдавать, они даже помыслить не могли о том, что мы можем на нее претендовать.

В Щербаках был преподаватель военной подготовки, полковник запаса, который открыто заявил:

— Я устрою фейерверк у бассейна «Звездочки», и когда все защитники побегут туда, армия «Щербаковца» пройдет торжественным маршем со знаменем по центральной аллее до центральной линейки!

Наш старший вожатый Юра просто прокомментировал это смелое выступление, бросив через плечо:

— Посмотрим!

К участию в игре были привлечены силы воинских частей из Кубинки, которые незадолго до начала военных действий привезли на военном газоне 66 с тентом с дюжину зеленых армейских ящиков.

Как бы то ни было, жребий был брошен, Рубикон перейден, и надо было готовиться.

Пионер 5 отряда Алексей Щетинкин был мальчиком спокойным, рассудительным. Кто-то из родителей его работал на хоздворе, но это не спасало. Вечно в трениках с отвисшими коленками, в серо-голубой майке со следами соуса от вчерашних макарон с азу, в домашних войлочных тапочках с заматыми задниками, что вечно спадали с его ног, мешали играть в футбол и любые виды спорта. Короткие жесткие волосы торчали, словно металлическая щетка для чистки напильников.

Попытки записаться в фотокружок дали непродолжительный эффект. Погуляв по лагерю с фотоаппаратом «Смена 8М», он принес проявлять фото пленку. Тактичный кружковод-фотограф, посмотрев ее понял, что Джозефа Сабо (известного фотографа 70-х) из него не получится, но не стал разочаровывать мальчика, разрешив ему таскать фотоаппарат просто так, без пленки. Этот вариант Лешу тоже вполне устраивал, и он продолжал с деловым видом взводить затвор фотоаппарата и нажимать кнопку.

— Леш, у тебя же не получается! Зачем тебе? — прикалывались товарищи по отряду.

— Ничего, ребята поправят! — убедительно кивал головой мальчик, продолжая щелкать незаряженным пленкой аппаратом.

Из-за его несколько рыхлого и неопрятного вида товарищи по отряду подшучивали над ним, за что получали «леща», но это только подзадоривало их на новые колкости и насмешки. Например, из-за стремления Алеши быть примерным в отряде и слушаться вожатых, он получил от товарищей прозвище «ефрейтор». Почему ефрейтор, а не сержант или прапорщик, история до нас не донесла, но звание «ефрейтор» припечаталось к нему на все время пребывания в лагере. Для десяти-одиннадцатилетнего

пацана воинское звание звучало гордо, так что он с чувством достоинства и гордости совершенно серьезно на окрик вожатого: «Леша, ты кто по званию?» - с гордостью отвечал:

— Ефрейтор Щетинкин!

Свое звание Леша честно отрабатывал. Прижимаясь после тихого часа к вожатому, он старался незаметно всунуть в руку записку.

— Что там такое? — спрашивал вожатый.

— Здесь все, кто не спал в тихий час! — отвечал Леша.

— А себя-то, зачем вписал? — следовал следующий вопрос.

— А что б ни кто не догадался, что это я писал! — был его ответ.

Пионерский лагерь для пацанов это как и двор, как школа то место где начинают проявляться разные качества характера как хорошие, так и дурные. Жизнь, давая возможность выбора, предоставляет попробовать пройти по разным дорожкам. И только в общении со своими товарищами зачастую мы находим решение и свой выбор. Причем часто меняя свое представление о мире и своем месте в нем.

Работа в авиаракетном кружке шла полным ходом. Кто-то крутил корпуса ракет, наворачивая ватманскую бумагу, щедро смазанную клеем ПВА на дюралевые болванки. Кто-то выпиливал из фанеры нервюры будущей модели планера.

Игорек Исаев по прозвищу «Полковник» возился с зажатой в тиски заготовкой фюзеляжа. Популярный в те времена фильм про Штирлица не мог не коснуться пионера с фамилией Исаев, подарив ему внеочередное звание. Обладая натурой творческой, даже где-то мечущейся в обилии своих неумных прожектов, Игорек не мог долго выполнять монотонную работу. Разбавляя многочисленные перерывы рассуждениями о том «как межпланетные корабли штурмуют просторы вселенной», он только ждал повода для смены занятия.

В кружок вошел Ляля, шлепая подошвами резиновых «вьетнамков» по голым пяткам.

— Ну что, банда, кончай точить нервы, будем делать динамит! - произнес он как нечто обыденное, такое, что обычно приходится делать по несколько раз на день.

Не сильно скрывая свою радость, Игорек молча развернул тиски, и, достав из угла здоровенный кусок магния, стал налаживать его меж закаленных губ чугунного приспособления.

— Але, Полковник! Отставить пилить магний! Фейерверки делать не будем! Нужно для военной игры сделать 50 штук муляжей толовых шашек с покраской и надписями: «Динамит» и «Произведено в п/л «Звездочка».

Честно говоря, кроме Полковника эта новость ни кого не обрадовала. У каждого был свой график, каждый хотел доделать, а то и запустить свою модель, а тут муляжи! Как-то это не серьезно! Отвлекает. Ладно бы «Катюшу» сделать, да пальнуть по Щербакам! Это вот цель, это задача! Ну, в крайнем случае, наладить производство «калашей»! Не важно, что будет непохоже. Не беда, ребята поправят! А муляжи....

— Из чего делаем? — поинтересовались ребята у кружковод.

— На хоздворе за складом брус лежит, вот его и попилим. Я договорился — буднично и без эмоций произнес Ляля.

— Двое со мной, один за краской, один к художнику за трафаретами. Все. — развернувшись к выходу, сказал авиааркетостроитель, шмыгнув носом и дернув головой. Уже через несколько секунд все расползлись в указанных направлениях выполнять наказ штаба обороны. Так в наш лагерь пришла война.

Со следующего дня работа по профилю для нас закончилась, а Ляля объявил, что теперь мы школа диверсантов и начинаются тренировки. Мы было хохотнули, но пришлось идти переодеваться в спортивную форму.

Два раза в день Ляля, он же кружковод Сергей, он же командир нашей диверсионной группы, он же «посредник», гонял нас нещадно по полосе препятствий, разнообразя маршруты переходом речки Капаньки вброд, перелезанием через заборы в самых неожиданных местах, прятками в лесочке за бассейном на пятачке 5

на 5 метров. Ну как укрыться, если кроме травы, двух елок и трех осин других укрытий нет?

— Сереж, — спрашивали мы — Ну, и как на этом пятачке спрятаться? То ноги торчат, то руки?

— Торчат, говоришь? Ничего, ребята поправят! — был ответ.

И действительно, ответ пришел после часа тренировок, отдавленных ног, исцарапанных рук, исколотой спины и развевающимся на ветках клоках кудрей из модных длинноволосых причесок.

— А где еще один? — в сотый раз проходя истоптанный полигон и выискивая прячущихся «диверсантов» спросил Ляля.

— Тут ищи! — издевательски хихикали в ответ пацаны и девчонка, расчесывая укусы летающих террористов обломанными ногтями.

— Вот, научил на свою голову! — ворчал довольный Ляля, поднимая палкой нижние ветви елок, спутавшиеся с травой.

Для 13-15 летних пацанов только первые 10 минут этого тренинга были развлечением, а потом только пот, синяки и ссадины. Даже команда: «В бассейн!» — для нашей измученной группы не была радостной. Выходя на берег в мокрой одежде, хлюпающих кедах, создавалось впечатление, что последние силы покидают тело вместе с каплями утекающей в землю влаги.

И так изо дня в день.

Облаченный в белый халат начальник пионерского лагеря делал свой обычный обход вверенной ему территории в сопровождении доверенных лиц с хоздвора. Двигаясь по футбольному полю в направлении бассейна, начальник отдавал команды.

— Ну и когда уже, наконец, вы закроете эти канализационные колодцы? Футбольное поле все ж! Здесь дети мяч гоняют, а у вас люки чугунные? Шахты что ль ракетные прячете? Немедленно закрыть резиновыми ковриками и засыпать землей! — горячился он, срывая и без того сипатый голос.

Из-под ног вынырнули два мальчугана, и, запыхавшись, понеслись в сторону бассейна «Бучилло». Неожиданным было то, что игнорируя открытые ворота бассейна, они запрыгнули на за-

бор, хватаясь за бетонный столб, а потом, пробежав по песку у кромки воды, снова бросились к забору, и, перемахнув его на одном дыхании, скрылись в ельнике у старого тира.

— Это еще что такое по заборам перед начальником лазить? — перешел на дискант начальник — Где вожатый?

— Да это Ляля своих «диверсантов» тренирует, к игре готовит. Они у него даже под водой сидят с трубками... И под комарами и слепнями на время под секундомером сидят не шевелясь! — услужливо доложили из эскорта.

— А не перебор ли это — под водой! Могут и застыть? — засомневался привыкший ко всему начальник.

— Так они ж в одежде! — гоготнули сзади.

Очередная пара огольцов вынырнула из-за спины и устремилась по тому же маршруту, стараясь обогнать друг друга, и завоевать место в диверсионной группе. Отбор был серьезный.

— Ох уж этот Ляля! Язык не поворачивается назвать его по имени! Выгнал бы уже давно, разгильдяя! Как заноза, извините, в ягодицах! Но как он это все придумывает? — глядя вслед исчезающим в ельнике пацанам, задумчиво произнес он, и резко повернувшись к «адъютанту» спросил:

— Ты такое можешь придумать?

Поперхнувшись от неожиданности, тот выдавил:

— Я? Нет!... Уволить его надо.... Одни неприятности от него. Шалости на грани фола! Как профком на это отреагирует?

Задумчиво посмотрев, как очередная пара кандидатов в диверсанты виснет на заборе, а потом штурмует полосу препятствий, выкладываясь из всех своих ребячьих сил, начальник заметил, что головной убор у одного из пацанов упал с головы, и по плечам рассыпались длинные девчачьи волосы.

— Это что ж, он и девчонок так же готовит? — не скрывая удивленья, и уже миролюбиво продолжил начальник, и, не дождавшись комментария, продолжил:

— Профком далеко. Вот когда ты такое придумывать научишься, тогда я его и уволю!

— Я не смогу, Анатолий Георгиевич! — взмолился адъютант.

— Ничего, ребята поправят! — буркнул начальник.

Но и это было не все! Где-то отыскав старый ковер, командир Ляля притащил его в кружок «Мягкой игрушки» и устроил занятия по рукопашному бою, привезя из Москвы пару самбистских курток. Теперь каждый день после полдника он, кандидат в мастера спорта по самбо, развлекался с нами в качестве тренировочных груш, выбивая многолетнюю пыль из ковра, постеленного на старые матрацы. Не всем это нравилось и мне в том числе, но как говорится: «Расслабься и получай удовольствие!»

Я, как самый крепенький (толстенький) из нашей банды, был наиболее частым партнером сенсэя, и к удивлению для себя, через некоторое время стал замечать, что у меня кое-что стало получаться. Падать стало не больно, суставы и мышцы перестали болеть, голова не кружилась. Напротив, я уже мог схватить где надо, крутануть или подсечь, и, используя преимущества в весе, грохнуться всем телом на противника, показав, что не надо больше сопротивляться.

Однажды, к нам на тренировку зашел один из вожатых со своей самбистской курткой, «покувыркаться» с Лялей, на что тот вывел на ковер меня и сказал: «Разомнитесь пока, я сейчас приду!»

— Ляля, я конечно не в лучшей своей форме, но с пацаном! — попробовал возразить вожатый.

— Ничего, ребята поправят! — бросил Ляля и закрыл дверь.

Он сказал, я сделал. На пару подсечек и попытку зацепа ноги я ответил броском через плечо с колена. Пыхтя подо мной как паровоз, он не подозревал, что вес у нас почти что равный.

— Да, что-то засиделся я на работе. Надо почаще в спортзал захакивать! — снимая куртку, проронил вожатый.

— А где поединщик-то, спросил Ляля, входя на татами и завязывая пояс на куртке.

— Куртка его вот, — протянули ребята новенькую с иголки самбистскую куртку — А сам он сказал, что потом еще зайдет, а сейчас ему некогда!

— Ну ладно... Женька на ковер! — отирая потные руки о куртку, бросил Ляля и без дальнейших церемоний схватил меня за грудки.

В остальном жизнь в лагере шла обычным порядком. Разве что теперь фото-кружковцы на выходе в «Щербаки» фотографировали не футбольно-волейбольные матчи, а подходы к водонапорной башне и отопительной котельной, а прочие пионеры не только подбадривали свои команды на спортивных площадках отдельные индивидуумы гуляли по территории, знакомясь с аллеями и дырами в заборах. Особого настроения на войну не было, да и график мероприятий в «Звездочке» как всегда был насыщенным, так что отвлекаться на войну было некогда, пока...

На волейбольной площадке шла очередная игра, когда через футбольное поле несколько ребят из первого отряда с вожатым вместе не провели к кружку «Мягкая игрушка», что у бассейна «Бучилло», двух парней лет по 18-19 и девушку. Их увидели, когда они лезли через забор на территорию лагеря со стороны моста через речку Капаньку возвращающиеся с костровой поляны вожатый и пионеры. Проявленная бдительность наткнулась на открытое противостояние, но наших было больше, к тому же с вожатым.

Поначалу разговор не задался. Ребята отпирались, кто они и откуда. То они к другу приехали из Москвы провести, то им позвонить было надо... Короче, после получасовой беседы они попросили сообщить о своем местопребывании начальнику пионерского лагеря «Щербаковец», после чего их накормили ужином и оставили в кружке под охраной до приезда их начальника. До начала ВОЙНЫ оставалось три дня.

На вечерней линейке старший вожатый Юра объявил о предстоящей завтра военной игре, напомнил о необходимости играть честно, обязательном ношении «погон» и призвал всех защитить честь нашего пионерского лагеря «Звездочка», но при этом, не забывая, что игра это все-таки игра!

В палату принесли картонную коробку с «сухим пайком». Сгущенка и галеты были распределены по карманам моментально, а вот с сухой колбасой пришлось помучиться.

Дело в том, что варено-копченой колбасы не было и нам дали сухую, разрезать которую мы не смогли ни одним ножом. Принесенная из холодильника, она лоснилась и пахла, наполняя всю палату ароматом дорогих копченостей, чего в лагере не случалось. Шкурка с ее бугристой поверхности, под которой угадывались кусочки сала, не обдиралась, приварившись навечно, а ей самой можно было забивать гвозди и плющить заклепки такая она была твердая.

Все это резко диссонировало с местом нашего обитания и полевкусием пионерского ужина. Мы тогда не знали о раздельном питании, но мысль, что кипяченое молоко и сухая колбаса несовместимы в принципе, пришла сама собой.

Притащив туристский топорик, мы раскрошили эту «палку» на ровные куски, и, довольные собой, распихали их по карманам. Конечно, тонких прозрачных на просвет ломтиков изысканного деликатеса у нас не получилось, но зато, колбаса была поделена честно и поровну.

На спинках кроватей висели футболки с пришитыми «погонями», а мы, прыгнув под одеяла, отключились до раннего подъема, который для диверсионных групп, уходящих в тыл противника на рассвете, был назначен на 5.00 утра.

Меня разбудило прикосновение чьей-то руки к ладони, свисшей из-под одеяла.

— Женька, вставай! Пора на войну! — шепотом прошелестел надо мной низкий голос — Собираемся у кружка.

Звук удаляющихся ног в кедах по деревянному полу скорее угадывался, чем звучал.

— Ноги на пол! Главное глаза открыть перед дверью, а то можно и лбом ее открыть! — мельтешили мысли в голове.

Луна привычно освещала верхушки елок и пустой флагшток со спущенным государственным флагом, когда в корпусах старших отрядов началось незаметное движение. В умывальник, что стоял

невдалеке, из корпусов выскользали темные силуэты непроснувшихся пионеров, которые не дурачились как обычно с визгами и шутками, а тихо шуршали струями воды по нержавеющей поддону. Закончив процедуры, все возвращались в корпус.

Перед ступенями ДТТ нас стояло ровно 10 человек. Зябко поживаясь, мы передергивали плечами, терли руки, хлюпали ногами.

Ляля, обычно балагур и балабол, был предельно сосредоточен и конкретен.

— Идем в Щербаки по лесу, параллельно тропе. Не разговариваем. Все команды подаю рукой. Попрыгали! — прозвучали его отрывистые слова.

Мы стали подбрасывать наши сомнамбулические тела вверх только они не взлетали, глупо колыхаясь и заваливаясь в стороны.

Из кармана штанов выпала пачка галет, звякнул о ключ перочинный ножик, глухо стукнулась о землю банка сгущенки.

— Две минуты на приведение себя и амуниции в порядок! Уши не забудьте пристегнуть, а то потеряете. И, это.... - тут Ляля хитро посмотрел на пацанов, - Что бы ни чего не звенело!

Дорогой через хоздвор, мимо дома начальника лагеря по темноте еще не наступившего утра наша группа двинулась в сторону п/л «Щербаковец». Легкий свист, и мы уже не топчем засыпанные гравием лужи знакомой тропы, а проскользнув сквозь подлесок, шагаем по мягкому ковру еловых иголок, прикрывая глаза от сухих мелких веточек, выдерживая дистанцию три шага и придерживая ветки, что б не хлестали по глазам товарищей. Несколько раз группа останавливалась, замирала, перебирая локаторами молодых ушей шорохи ночного леса, и не найдя ни чего подозрительного, продолжала путь.

Лес не понимал, почему так не вовремя дети пришли в его владения. По грибы да ягоды вроде рановато. Для встречи рассвета не надо таиться по ельнику. Он щипался и кололся, требуя ответов, цеплялся за накрепко пришитые «погоны».

«Эх! Вот бы рубашки бы надо было бы надеть поверх маек. Целее бы «погоны» были! Потом их и снять можно было бы...» — пронеслось в мозгу.

Но Ляля молчаливо продвигался меж деревьев, практически без звуков и хруста раздавленных сухих веток. Мы следовали за ним словно тело за головой змеи, стараясь показать, что не даром две недели сидели в болотах, бродили цепочкой по лесу, учили команды, выкидываемые им пальцами ладони. Что ссадины и царапины достойный показатель нашей прилежности в деле освоения профессии диверсанта.

До щербаковского забора мы добрались без приключений, вот только преодолевая забор, Игорек зацепился за гвоздь.

— Выпутывайся сам - коротко ответил Ляля.

— Не могу отцепиться! — зашипел он, крутясь на гвозде - Шуму наделаю!

— Ничего, ребята поправят! — был комментарий уходящего в ночь командира.

Сдернуть его получилось только вместе с гнилым деревянным забором, который упал, как покошенный, страшно напугав нас всех своим шумом и треском. Казалось, в пустом ночном лесу обезумевший от морозов и партизан, немецкий солдат громко заорал, подняв автомат в отмороженных руках над головой: «Нихт шиссент!» - и рухнул лицом в снег, не поверив, что стрелять в него не будут.

Как-то быстро посветлело. В лес входили затемно, а забор в Щербаках рушили, уже различая не только силуэты, но и лица друг друга.

Миновав детсадовские деревянные корпуса, Ляля увел нашу группу в сторону хоздвора, где засели под ржавой цистерной.

Дождавшись, когда кудрявая собака сторожа отвалит подальше вместе со своим владельцем, мы начали перебежками менять свою позицию, перебегая по одному через асфальтовую дорожку ближе к котельной.

Бодрое собачье тьяканье заставило нас замереть.

— Ето кто тут? Але! — раздался голос сторожа, немедленно поддержанный хвостатым существом, отработывающим сахарную косточку.

— Выходи, не таись, не то народ кликну! — грозно продолжал сторож, но в нотках его голоса слышалась тревога.

Молчать не было смысла. Наше присутствие было обнаружено. Надо было что-то делать. Ляля вышел из укрытия.

— Здорово, Мифодыч! Чего это ты с утра пораньше раскричался? Не уж- то не знаешь, что вы сегодня с «Дружкой» в войну играете? — начал он дружелюбно — Спите долго! Смотри, войну проспите! — игриво добавил он.

— Ну, во-первых, Степаныч, а не Мироныч, а во-вторых, ты тоже что ль играешь? — подходя ближе к незнакомцу, уже не так сурово произнес сторож.

— Спички-то есть? Я свои забыл закончил он уже совсем по-свойски.

— Не, я не играю. Я посредник! — передав зажигалку дотошному деду, заверил Ляля и показал на нашивку с надписью «ПОСРЕДНИК».

— Ну, то-то! У меня тут порядок! Чужих не пускаем. Отчего ж не поиграть, играйте! — совсем успокоившись, произнес дед, и выпустил колечко сизого дыма.

— Война! Поди ж ты! — проворчал сторож, сунул зажигалку в карман и зашагал по асфальтовой дорожке осматривать свои владения.

Хвостатый напарник с чувством выполненного долга и заработанного завтрака потрусил рядом.

В считанные секунды вся наша команда перескочила злополучный асфальтовый рубеж, что бы спрятаться в намеченном месте, но , в свете произошедшего инцидента со сторожем, наше укрытие уже не представлялось нам надежным.

Дом начальника пионерского лагеря «Щербаковец» представлял своего рода Ватикан государство в государстве. Построенный по всем правилам дачного товарищества это был рубленый дом в три окна с палисадом, огородом и садом. Изрядно заросшие кра-

пивой с обеих сторон забора из штакетника, спасительные шесть соток представляли для нас единственное место, что бы затаиться, тем более что с дальнего от дома торца к забору были привалены доски и дрова, доходившие до самого его верха.

Махнув нам рукой, Ляля взлетел над забором и затих в крапиве за дровами. Тоже самое сделали и мы с задержкой в несколько секунд.

Рассвело окончательно. Погожее летнее утро. Легкие покачивания верхушек деревьев, пересвисты лесных птиц, звук первых открывающихся окон и дверей. Наверное, такое же, как и 22 июня 1941 года, утро пришло в пионерский лагерь «Щербаковец». Вместе с ним пришли и мы.

Расположившись в саду начальника, мы слегка подкрепились сгущенкой из продырявленной банки, разломали по галете и начали обсасывать заныканные куски колбасы, которые напомнили о своем существовании жирными пятнами, проступившими в районе карманов. Грызть и чавкать запрещалось. Да мы и сами понимали, маленькие что ли? У каждого за поясом так неудобно торчал крашеный брусок с надписями: «Динамит» и «Сделано в «Звездочке». И пусть игра была понарошечная, жить хотелось по-настоящему!

Внезапно в воздухе появился какой-то звук. Нет, это не был звук голосов или электрического прибора, это не был звук живого существа, но что-то до боли знакомое. «Вжик-вжик! Вжик-вжик! Вжик-вжик!» - неслось из-за спины.

Я лежал на животе ногами в крапиву, а мои товарищи, прижавшись спинами к забору, подпертому дровами и досками, смотрели на меня.

Звук все явственней слышался за моей спиной, но из-за густой высокой крапивы невозможно было определить его источник.

Соблюдая все меры предосторожности чтобы не выдать своего присутствия, я попытался перевернуться на спину.

По спине пробежал холодок. Прямо надо мной стоял мужик в синей майке с невообразимым головным убором и методично размахивал здоровенной косой. «Косив Ясь конюшину, поглядав

на дивчину!» — вспомнились слова песни легендарных белорусских «Песняров». Вот бы ни когда не подумал, что косьба это так страшно! Блестящее изогнутое острие на длинной ручке, словно маятник Фуко с непоколебимой методичностью приближался к моим обутым всего лишь в простые кеды ногам.

Взгляд косца растворялся на зеленой массе раскидистой и высокой крапивы и не видел, что под ней лежит человек. Да просто подросток. Недоросль. Ребенок!

«Ваш сын пал смертью храбрых при проведении военных действий между пионерскими лагерями «Щербаковец» и «Звездочка». Его фотография у знамени дружины и имя будут сохранены и навечно вписаны в историю лагеря в пионерской комнате! Подпиши начальник лагеря и старший вожатый!» — так и отпечатывались в моем мечущемся мозгу слова письма моим родителям.

Сильные руки подхватили меня под мышки и притянули на полтора метра назад к ограде. Я то думал, что мое положение самое лучшее, самое оптимальное, а тут вон оно как! «Ничего, ребята поправят!» — пронеслась в голове мысль и проявилась вместе с холодным потом на лбу.

Как раз в это время на дороге появился сторож со своим верным напарником. Коса свистнула еще два раза и умолкла.

— Здоров, Степаныч! — окрикнул возвращающегося сторожа мужик со смешным головным убором на голове. Это был носовой платок, уголки которого были завязаны на узелок, а сам он в таком виде был натянут на основательный череп солидного мужика. Калитка скрипнула, выпустив косца Яся на простор пионерского лагеря.

— Опять куришь? Ты посмотри, утро-то какое! Головокружительное утро! — поэтически произнес мужик, широко вздохнув грудью и закатив глаза, проведя взглядом мимо верхушек елок, мимо белизны плывущих облаков, прямо к набирающему температуру солнцу, повышающему общий градус жизни Как спит-ся-то, как дышится! Живи да радуйся!

Привыкнув поддерживать начальство Степаныч, стараясь быть в тренде, тоже глубоко вздохнул, затянулся, и на длинном

неторопливом выдохе, выпуская кудрявую перевязь клубящихся колечек, хитро прищурившись, изрек:

— Да уж, спится хорошо.... А вот «Дружбе» не спится, они уже в войну играют!

В нетленном произведении Николая Васильевича Гоголя «Ревизор» в подобном месте значится «немая сцена».

— Какая «Дружба»? «Звездочка»? Со «Звездочкой» у нас сегодня война! - выдохнул, как выкрикнул, последний клич мужик, как оказалось, начальник лагеря.

— Кого ты видел, когда? Сколько их? Куда пошли? — горячился начальник, наступая на обескураженного сторожа.

— Чего молчишь? — переходя на крик, продолжал начальник. Утро было безнадежно испорчено! От поэтического настроения не осталось и следа.

Русский мужик, смелый и отважный по своей натуре, робеет в присутствии начальства. Тяжелое наследие крепостного права наш народ не изжил до сих пор.

Закашлявшись от собственного дыма, перемкнув горловые связки и втянув голову в плечи, словно его сейчас начнут бить, Степаныч просипел в лицо начальника, придвинувшееся вплотную к его иссиня-пунцовому носу:

— Мужик был.... И с ним кто-то.... Туда, туда подались.... махал он рукой в направлении ржавой цистерны и дальше за забор в зеленую галерею проснувшегося леса.

— Эх, едрен-батон! — совсем непоэтично крикнул начальник, и, сорвав с головы носовой платок, припустился по асфальтовой дорожке вглубь лагеря поднимать народ.

Сначала взорвали взрывпакет, а потом раздался звук горна, транслируемый многочисленными «колокольчиками» с затуханием металлического эха. Утро не задалось.

Лагерь был построен на линейке. Стараясь сохранять хладнокровие, четко произнося слова в микрофон, выступил главнокомандующий войск «Щербаковца»:

— Внимание! Сегодня наш лагерь играет в «Зарницу» со «Звездочкой». Сейчас отряды идут на завтрак, а затем старшие

отряды выдвигаются строевым порядком в п/л «Звездочка», а младшие отряды при поддержке сил безопасности лагеря занимаются поиском и уничтожением диверсантов, которые по некоторым данным уже находятся на территории лагеря. Напоминаю, что официально военные действия начинаются в 10 часов 00 минут. До этого времени военные действия запрещены, уничтожение согласованных объектов невозможно. Поимка диверсантов начинается немедленно. Прочесать все!

До заветных 10 часов с двумя нулями оставался почти целый час. Его за глаза хватит, чтобы перевернуть весь лагерь вверх тормашками и вытряхнуть таких как мы на ясный свет. Мы сбились в кучку, прикрылись крапивой и почти перестали дышать. Даже комары пролетали мимо, не обнаруживая нас своими пеленгаторами.

В лагере началась настоящая чехарда. Мелюзга толпами бежала по территории в сопровождении вожатых, заглядывая во все дырки, трубы, кусты и клумбы. Все это напоминало ловлю черной кошки в темной комнате. Мимо наших дров больше десятка раз пробежали группки «сил безопасности лагеря», но авторитет начальника был так высок, что ни какая игра не могла поколебать его устоев. Перешагнуть черту, или заглянуть за забор было чем-то запретным, табу, которое в лагере тщательно соблюдали.

Наш час пробил! Мы поняли это по начавшейся серии взрывов. Армейские взрывпакеты это гранаты без металлической поражающей противника оболочки. Сила взрыва же его как у настоящей гранаты. Рвануло где-то в районе столовой, и тут же вся мелюзга, пасущаяся вблизи, сорвалась туда. Тут же раздалось несколько взрывов в районе центральных ворот, и новая волна молодогвардейцев покатилась туда, отбивать нападение условного противника.

— Пора! — прошептал Ляля, доставая свои взрывпакеты и ища заветную зажигалку, которая упорно не находилась. Ждать было некогда, и мы рванули из-за забора подрывать жизненно важные объекты врага своими шашками с надписью «Динамит. Произведено в п/л «Звездочка».

Помню, как мы спрашивали Лялю:

— А что если шашка не долетит или перелетит ограниченную территорию объекта?

— Ничего, ребята поправят! — был ответ. Вот это время и наступило!

Выскочив, как черти из табакерки, мы видели только разинувшую рты малышню, которая даже представить не могла, что там, где она только что искала диверсантов, а попутно собирала землянику и искала грибы, прятались эти самые диверсанты.

Швырнув шашки в раскрытые ворота котельной, мы обернулись на Лялю, который должен был поддержать нас взрывами. Взрывов не было. Наш командир подбегал к сторожу, что-то крича и размахивая руками.

— Давай зажигалку, дед! — кричал ему Серега Курение убивает лошадь! Сторож нехотя хлопал себя по карманам, но зажигалку все же отдал. И тут началось!

Первые три взрыва прозвучали почти одновременно!

— Война! — закричал сторож, улепетывая вместе с собачкой по асфальтовой дорожке. А мы побежали дальше, швыряя шашки и балдея от сладостного звука бухающих на всю округу взрывпакетов.

Ситуация с обороной «Звездочки» была аховая, т.е. почти вдоль всего периметра забора ахали взрывпакеты. Дымовые шашки самых разных цветов окунули маленький лагерь в непродираемую пелену. Со стороны бассейна назревала очередная атака. Группы гвардейских юнармейцев человек по пятнадцать, уже хорошо знакомых с бритвой, с флагами и дымовыми шашками уже в который раз штурмовали забор.

Казалось бы, чего проще перемахнуть через невысокий штакетник и вот тебе оперативный простор вражеского пионерлагеря взрывавай, не хочу! Но что-то сдерживало эту силу, собравшуюся за забором и отчаянно ругавшуюся не совсем юнармейскими словами.

В «Звездочке» еще не знали, что пионерский лагерь «Щербаковец» был уничтожен минимум трижды в первые 10 минут после

официального начала игры. К этому времени передовые отряды «Щербаковца» еще даже не дошли до неприятельских рубежей.

Как и при обороне Севастополя в русско-турецкую кампанию, сформированный наркомат обороны «Звездочки» должен был решить задачу возведения защитных сооружений из мешков с песком или найти иное нетривиальное решение. Такое решение было найдено.

Обучение гражданской обороне в лагере было поставлено на «отлично». Хотя противогаз надеть, хоть общевоинской защитный комплект при угрозе ядерного взрыва и рухнуть на землю в правильном направлении — это на раз. Переноска раненых на носилках и без оных — это на два. Действие пожарного расчета при угрозе пожара — это три! Большие зеленые ящики на складе старшего вожатого хранили специального инвентаря на несколько сот человек, поэтому проблем для проведения тренировок с личным составом пионерского лагеря не было ни каких.

Оборонять лагерь было решено с помощью дыма и пожарной команды. Для этого за час до начала баталии были зажжены дымовые шашки, которые упрятали своими дымами не только объекты, подлежащие уничтожению противником, но и весь лагерь целиком.

На футбольное поле выехала пожарная машина, снаряженная под завязку, словно на соревнования по тушению пожаров. Компрессор нагнетал давление в емкости для обеспечения рабочего давления и высокой струячности жидкости в брандспойте. Фары горели во все лампочки. Их поддерживал прожектор на кабине. В разноцветной дымовой завесе лучи света создавали атмосферу нешуточности и жутковатости. Хрипатая сирена периодически отхаркивала свои обертона, наводившие нешуточный ужас на нападающих.

Было очевидно, что ни какая самая подробная карта не позволит сориентироваться в такой нестандартной обстановке. Особенно под рев сирены и грохот взрывпакетов.

Нашлось дело и пожарным гидрантам, расположенным у щитов с шанцевым инструментом по всей территории лагеря.

И уж совсем для острастки из соседней воинской части был ангажирован взвод солдат с карабинами, который расположился и входа в столовую и периодически устраивал перестрелку холостыми патронами, показывая всем и каждому, что просто так свой паек они не отдадут. Артиллерийскую поддержку бойцам обеспечивал усатый прапорщик, методично раскидывающий взрывпакеты, доставая их из огромного зеленого армейского ящика.

Леша Щетинкин 9-10 лет по прозвищу «ефрейтор» держал оборону с девочкой младшего отряда у пожарного гидранта, что у бассейна «Бучилло». В разноцветных дымах, нависших над лагерем, его красный пожарный щит выделялся весьма явственно, поскольку находился практически у забора. Когда со стороны бассейна на забор полезли первые юнармейцы из «Щербаков», откровенно хохоча при виде толстенького мальчика и цыплячьего вида девочки, предугадать какую-либо опасность для себя со стороны этой мелюзги рослые «гренадеры» с явно пробивающимися усами над верхней губой не могли.

— Эй, толстый! — кричали из-за забора А проводи нас к центральной линейке нам ваш флаг нужен! Мы тебе леденец дадим. Правда-правда! А хочешь шоколадку? Тогда принеси его нам сам. Мы даже заходить не будем, а позагораем здесь на пляже!

Здоровый смех и осознание собственного превосходства подбадривали бойцов к тому, чтобы миновать забор на одном дыхании, но приказ соблюдать время начала боевых действий был не предложен. Мальчишки и девчонки задорно хихикали за забором, все чаще посматривая на часы, ожидая часа своего торжества.

Без десяти минут десять Леша Щетинкин посмотрел на часы и сказал девочке: «Пора!»

Вдвоем они открыли красный ящик у пожарного щита и начали раскатывать брезентовый шланг. Подключив его красной зубастой гайкой к гидранту и надев серебристую зауживающуюся трубу - брандспойт ефрейтор скомандовал: «Проверка давления!»

Девчонка метнулась к красному вентилю и, впившись в него двумя руками, и, повиснув всем телом, попыталась повернуть.

Попытка была тщетна. Громкий хохот и шутки грохнули из-за забора.

Леша деловито подошел на помощь и приналег на вентиль. Железяка поддалась, и недовольно чавкая и дергая шланг из брандспойта пошла вода.

Взяв в руки серебристое оружие пожарника, ефрейтор Щетинкин крикнул:

— Напор!

Девчонка налегла на ставший податливым кран, и ледяная вода из лагерной скважины с глубины 138 метров, набирая силу, упругой струей прошла по верхней перекладине забора, обрызгав юнармейцев.

— Толстый, ты что, обурел! Да мы тебя через минуту сдуем до размеров теннисного мячика! — несло из-за забора. Но насмешливый тон почему-то улетучился, уступив место некоей растерянности. Лезть под ледяную воду как-то не хотелось.

Время «Ч» наступило, но на забор, по которому бил ледяной струей ефрейтор Щетинкин, наступающие лезть не решались. Отбежав подальше, они предприняли попытку перелезть в другом месте за входными воротами, на которых висел громадный амбарный замок, к тому же замотанный толстенной железной цепью.

Леша менял угол наклона, девчонка висла на кране стремясь открыть его «ну, хоть еще чуть-чуть». Напор воды достиг своего максимума. Брандспойт в руках мальчика вырывался своей животной силой бегущей воды. Удерживать его становилось тяжело. И вот уже ледяная струя начала гулять по собственному усмотрению, накрывая нападавших литрами артезианской воды.

— Все, толстый, ты труп! Сейчас я с тобой разберусь! — кричал нагловатый гренадер, выжимая свою рубашку, на которой намок и повис, скукожившись, отличительный «погон».

Ситуация осложнилась. Длины шланга не хватало. Струя не добивала. Обозленные нападающие уже лезли на забор с торжествующими выкриками.

— Отбой! — скомандовал Леша, и струя ослабла.

Вот сейчас они обогнут клуб и зайдут сзади. А потом атакуют со всех сторон! Брандспойт не граната, его не взорвешь! А нападающие уже начали прыгивать на территорию «Звездочки»! Положение становилось критичным!

— Леш, а как же теперь? — волнуясь, спросила девочка.

— Ничего, ребята поправят! — ответил ефрейтор Щетинкин.

В этот момент красно-синее облако на футбольном поле прорезал луч прожектора, и из него появилась красная пожарная машина, которая врубив давление, мощной струей смыла очередной наплыв гренадеров с забора. Те, кто уже прыгнул, полезли назад и были расстреляны ледяными пулями навывлет до зубного стука и дрожи всего тела. Кто побежал вдоль забора нарвался на шквальный огонь ефрейтора Щетинкина.

К завершению подходил первый час войны, а такая близкая и легкая победа не давалась в руки. Наоборот, она оказалась недоброй, мокрой и очень, очень, очень холодной!

Результаты военной игры были оглашены старшим вожатым Юрой на вечерней линейке.

Совместным решением обеих сторон-участников была объявлена ничья. В качестве награды участникам боевых действий, вместо парада Победы и в ознаменование вечной дружбы между нашими лагерями «Звездочка» и «Щербаковец» предлагалось провести совместный КВН между командами.

Это формальное объявление лагеря выслушал молча, особо не проявляя ропота и несогласия.

А затем Юра рассказал, как героически сражались бойцы «Звездочки»: диверсионная группа переодетых под «деревенских» бойцов, обеспечивших прорыв санитарной машины, совершавшей отвлекающий маневр, через мост к воротам «Щербаковца». Как сражались юнармейские пожарные расчеты и в частности расчет ефрейтора Щетинкина. Как отличились диверсанты кружководы Сергея Астафьева (Ляли) взорвавшие объекты противника по 3-5 раз и фактически уничтожившие «Щербаки» в самом начале военных действий. Много было сказано о мужестве

и настоящем героизме, проявленном всеми детьми и взрослыми пионерского лагеря.

И в завершение линейки Юра рассказал, как пионерка из младшего отряда, не позволила юнармейцам из «Щербаков», прорвавшимся на центральную линейку, выполнить главное условие игры спустить государственный флаг. Обхватив руками и ногами флагшток, она заблокировала металлический трос, да еще умудрилась покусать самых активных. Пятеро дюжих grenадеров не смогли ее оторвать от него и спустить флаг, который и сейчас развевался выше вековых елей, стоящих вокруг линейки.

— Ну, если ты не дала неприятелю спустить флаг — сказал Юра — сделай это сама! Голлендер Алена, на флаг! — и он пригласил на трибуну маленькую девочку 8 лет с забинтованными ладошками.

Зазвучал государственный гимн, и маленькие ручки стали двигать металлический трос, на котором еще утром остались следы их кожи и крови.

Лагерь стоял, застыв «смирно». Каждый чувствовал себя героем и победителем, потому что это не важно, как решат руководители игры. Важно, что чувствует твоё сердце, твоя душа. А если что, ребята поправят!